

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

1917-2017: уроки столетия

*100-летию революционных событий в России,
100-летию восстановления Патриаршества посвящается...*

**Материалы XXVII-ых Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия**

Томск – 2018

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО «АРЗАМАС» В КОНТЕКСТЕ СТИХОТВОРНОЙ ПОЛЕМИКИ В. А. ЖУКОВСКОГО¹

Поплавская И.А.

Томский государственный университет

В 2015 г. исполнилось 200 лет со дня основания «Арзамасского общества безвестных людей». Деятельность этого общества неотделима от истории русской литературы первой трети XIX века, а носителями, по выражению П.А. Вяземского, «арзамасской закваски» стали ведущие поэты эпохи: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин и др.

Оценивая сегодня вклад «Арзамаса» в историю отечественной культуры, современный исследователь видит его в создании особой атмосферы литературной игры, которая «имела серьезнейший нравственный подтекст», связанный с формированием в обществе и в литературе мифологии «нравственного братства» [1. С. 21]. В русском литературоведении конца XX – XXI веков к изучению истории и литературной деятельности общества «Арзамас» обращались В.Э. Вацуро, Б.М. Гаспаров, О.А. Проскурин, М.Л. Майофис, В.А. Кошелев, А.С. Янушкевич и др. Так, например, В.Э. Вацуро рассматривает «Арзамас» как особую культурную общность с расширенной областью «эффективных коммуникаций», которая включала в себя «близость общественных, эстетических, литературных ориентаций, принадлежность к единой возрастной и культурной генерации, общих учителей и литературных противников; наконец, дружеские, или, точнее, профессионально-дружеские связи» [2. С. 6]. О.А. Проскурин исследует историю общества «Арзамас» как особый «игровой космос», тесно связанный со всеми аспектами идеи *translatio* – «переноса», в данном случае религиозного восприятия Нового Арзамаса как Нового Иерусалима [3. С. 73, 74]. М.Л. Майофис говорит об «Арзамасе» как «сложном феномене», укорененном не только в литературной, но и в политической и социальной реальности своей эпохи [4. С. 13]. Исследовательница рассматривает деятельность

---

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00113 "В.А. Жуковский в институциональной истории русской литературы".

«Арзамаса» в контексте нереализованного российского модернизационного проекта 1815 – 1818, соотнося первое заседание общества «Арзамас», состоявшееся 14 (26) октября 1815 г., с образованием в это же время Священного союза России, Пруссии и Австрии. Последнее же заседание общества 7 (19) апреля 1818 г. совпадает по времени с Ахенским конгрессом, на котором было решено принять Францию в Священный союз в качестве полноправного члена.

Совершенно особое место в деятельности этого общества занимал Жуковский, получивший в «Арзамасе» прозвище «Светлана» и бывший в нем неизменным секретарем. Остановимся более подробно на проблематике лирики Жуковского в преарзамасский и арзамасский период. В центре внимания поэзии Жуковского 1812-1815 гг. оказывается утверждение общественной и эстетической значимости собственного творчества и жизненного поведения, оформление системы малых лиро-эпических жанров – послания и баллады, поиски эпических художественных форм. В это время поэтом написано большое количество дружеских стихотворных посланий, имеющих программный характер. Среди них послание «К Батюшкову» (1812), «К Воейкову» (1814), три послания «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» (1814), «Ареопагу» (1815) и др. Общественное значение этих стихотворений заключается в той роли, которую они сыграли для объединения на новой эстетической основе молодых литературных сил, будущих арзамасцев. Эта «поэтическая переписка» на виду у публики рассматривалась как акт общественного самосознания, она во многом способствовала формированию нового общественного поведения и становлению жанра дружеского стихотворного послания. Важно отметить, что сама тема дружбы, братства получает в этот период характерный общественный и эстетический смысл.

Инициатором этой литературной полемики выступает К.Н. Батюшков в известном стихотворении «Мои Пенаты. Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому>» (1811-1812). Главное в этом произведении, по выражению Ю.М. Лотмана, - стремление выразить «идею Дома, поэзию своего угла» [5. С. 13]. Вопросы поэтического творчества, обращения к «наставникам пиитам» также составляют важную часть послания Батюшкова, они намечают его второй – литературный план, который раскрывается через характерный двойственный диалог в этом произведении. В нем разговор лирического героя со странниками, с возлюбленной перерастает в беседу с поэтическим гением, с поэтами прошлых и нынешних времен, в числе которых оказываются Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, И.Ф. Богданович, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, И.И. Дмитриев, И.И. Хемницер, И.А.

Крылов. И завершается стихотворение обращением к друзьям-поэтам, их творческими портретами-характеристиками, сопрягающими воедино оба эстетических плана: мир литературного быта и поэтического творчества.

Эти глубинные возможности жанра послания были очень тонко почувствованы Жуковским, и в ответном стихотворении «Батюшкову» он воспроизвел характерные черты мышления в данном жанре. Послание Жуковского осваивает те же «сквозные» слова-образы, что и «Мои пенаты» Батюшкова: образы дома, чаши, хора муз, которые формируют малый и большой поэтический миры. Стихотворение Жуковского открывается описанием внутренней обстановки жилища своего друга-поэта, переходящим в изображение внешнего окружения дома и далее в эпическую картину раздела земли и идеального мира поэзии. В этой части можно обнаружить следы вольной обработки стихотворения Шиллера «Раздел земли», что придает всему произведению философский смысл [6. С. 577].

Стремлением нарисовать картины макро- и микромира и провести через них своего друга, подобно Вергилию из «Божественной комедии» Данте, проникнуты и черновые планы послания. Так в прозаическом наброске плана встречается следующая запись: «Раздел земли. С тех пор ничто земное не приближается к поэту. И этот мир. Заботы ему неизвестны; светские причуды, хитрости придворные, он знает об них по слуху; его мир: там фантазия, невинность» [7. Л. 2]. В самом же тексте послания это звучит так:

С тех пор – необожатель
Подсолнечных сует –
Стал верный обитатель
Страны духов поэт,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной
Толпе дороги нет... [8. 189].

Хранят сего удела
Магический покой
Н е в и н н о с т ь – гений милый
С б е с п е ч н о с т ь ю – сестрой... [8. 190].

Здесь в ироническом описании «страны духов», в которой живут поэты по своим нравственным и эстетическим законам, можно увидеть прообраз «арзамасского братства», которое начало формироваться еще

до создания самого «Арзамаса» в 1815 г. Характерно, что «Мои Пенаты» Батюшкова вместе с посланиями Жуковского «К Батюшкову» и Вяземского «К Батюшкову» (1812) образуют единый цикл, что уже само по себе свидетельствует о восприятии дружеского стихотворного послания как ведущего жанра в предарзамасском круге поэтов. Наконец, Жуковский, Батюшков, получивший в «Арзамасе» прозвище «Ахилл», и Вяземский – «Асмодей» составили ядро поэтов, во многом определивших будущую литературную программу деятельности «Арзамаса».

В контексте посланий Жуковского 1814 – 1815 гг. происходило не только формирование стиля «гармонической точности», но и закладывались основные критические принципы стихотворной полемики «Арзамаса». Так, например, послание Жуковского «К кн. Вяземскому» («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье»), которое представляет, по словам Л.Я. Гинзбург, «образец критики с позиции школы «гармонической точности» [9. С. 35], стихотворения «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец»), «Ареопагу», цикл посланий «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» - это поистине «живая эстетика». В формировании принципов арзамасской критики в этих посланиях большую роль сыграли стихотворные разборы Жуковским произведений собратьев по перу, а иногда и своих собственных.

Так, в послании Жуковского «К кн. Вяземскому» («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье»), созданном 17 сентября 1815 г., воплотились важнейшие принципы поэтики жанра, получившего широкое распространение в арзамасском кругу. Произведение Жуковского посвящено литературно-критическому разбору стихотворения Вяземского «Вечер на Волге» (1815). Вначале Жуковский перечисляет имена будущих арзамасцев, принявших участие в чтении и обсуждении стихотворения Вяземского. Ср.:

Прочел я их один, потом прочли со мною
Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков.
Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать [10. С. 17].

Здесь коллективное чтение стихов в дружеском кругу воспринимается как факт литературного быта, который вызывает к жизни появление новых произведений, становится текстопороджающим, и одновременно в преддверии образования «Арзамаса» отражает процесс становления русской литературы как социального института [11. С. 11 – 32]. Также в этом стихотворении Жуковский активно

использует интертекстуальные связи, обращаясь к реминисценциям и автореминисценциям. Например, стихи из этого стихотворения: «Ваш Вяземский прямой поэт! // Он ищет простоты, но простоты прекрасной»; «Он в скромной простоте, красам природы сродный, // Живописует нам природы красоты!» воспринимаются как отсылка к его второму посланию из цикла трех <<Посланий к кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину>> «Вот прямо одолжили» (1814). Ср.:

Теперь ты, Вяземский, бесценный мой поэт,
Перед судилище явись с твоим посланьем. <...>
Характер в слоге твой есть точность выраженья,
Искусство – простоту с убранством соглашать... [8. С. 343].

Здесь интертекстуальные связи воспринимаются как особые знаки арзамасской культуры, в которой «литературный быт порождает тексты – и это даже не столько собственно арзамасские тексты, сколько те, из которых складывается русский литературный процесс на его самом высоком и профессиональном уровне» [12. С. 271].

Показателен и сам факт циклизации посланий с литературно-полемиической проблематикой. В поэтическом цикле происходит расширение сферы эстетического освоения действительности, отказ от монолога в пользу диалога. Так, например, в цикле критических посланий, обращенных к Вяземскому и Пушкину, Жуковский сочетает критику на произведения двух друзей-поэтов с активным включением их голосов. Эти чужие сознания, обозначенные в посланиях курсивом, разветвляют повествовательную структуру произведений. Важно отметить, что автор вводит в данный стихотворный цикл слова В.А. Озерова, обращается к мнению Н.М. Карамзина, цитирует И.И. Дмитриева. Этот цикл посланий во многом напоминает поэтическую критическую статью («В нем просто критика, и запросто одета // В простой нестихотворный слог...»). Таким образом происходит в послании воссоздание множественности точек зрения на мир, активное эстетическое освоение действительности через признание суверенности мира другой личности. Все это сближало послания Жуковского с поисками эпического отражения мира в его творчестве, раскрывало дальнейшие возможности жанра.

В целом же значение дружеских посланий данного периода видится в снятии элегического настроения, в отказе от монологичности, в восстановлении главного своего свойства – ярко выраженной установке на адресата, на коммуникативные стратегии жанра. В этом

смысле послания Жуковского 1810-х гг. интересны с точки зрения воссоздания индивидуального склада мышления, принципов литературной полемики, психологического портрета автора и адресата. Вместе с тем послания поэта прочитываются и как «поэтическая летопись» «Арзамаса» [13. С. 72]. По выражению В.Э. Вацура, «послания для арзамасцев – это и литературная декларация, и критическая статья, <...> и овеществленный знак коммуникативной связи. В них эмпирический быт поднимается на высоты эстетически организованного, - и с другой стороны, за художественным миром послания <...> всегда ощущается мир бытовых реальностей и подлинных человеческих отношений» [2. С. 23].

Совершенно особое место в лирике Жуковского занимают его арзамасские протоколы и примыкающая к ним «Речь в заседании «Арзамаса». Как отмечает современная исследовательница, с ними связано, во-первых, создание «арзамасского наречия» [14. С. 20 – 42] со своими героями, метаморфозами и конфликтами, в центре которого – борьба «Беседы» и «Арзамаса». Во-вторых, гекзаметрические протоколы поэта берут на себя функции посредников между «серьезным творчеством» и проблемой гекзаметра, его возможностей на пути к повествовательной поэзии. В-третьих, «Жуковский в арзамасских протоколах создает идеальную формулу бытия: в совместном дружеском и творческом труде на благо Отечества видится ему смысл жизни» [15. С. 473].

Обратимся к рассмотрению протокола двадцатого заседания «Арзамаса», созданного не позднее 8 июня 1817 г. Трехчастная композиция этого поэтического документа раскрывает движение от изображения природного хаоса к пародированию архетипа Дельфийского оракула и далее к воссозданию споров о путях дальнейшего развития «Арзамаса» и издания собственного журнала [15. С. 474]. Традиционный для лирики Жуковского мотив покоя сменяется здесь противоположным мотивом борьбы, поединка с «Беседой» как отражения современных «парнасских войн». Однако благодаря использованию игровой семантики, функционально этот мотив оказывается тождествен мотиву покоя в «серьезной» лирике поэта. Если в классической лирике образ покоя понимается как слияние Бога и человека в едином процессе духовного преображения [16. С. 36], то в комической поэзии «Арзамаса» мотив борьбы реализуется через намерение издавать литературный журнал. Ср.:

Приятно было послушать, как вместе
Все голоса слилися в одну бестолковщину. Бегло

Быстрым своим язычком работала Кассандра, и Рейн
Громко шумел; Асмодей воевал на Светлану; Светлана
Бегала взад и вперед с протоколом; впившись в Старушку,
Криком кричал Громобой, упрямясь родить анекдотец.
Арфа курныкала песни. Пустынник возился с Варвиком.
Чем же сумятица кончилась? Делом: журнал состоялся [10. С. 61].

В этом фрагменте обыгрывание имен членов «Арзамаса», которые все были взяты из баллад Жуковского (Кассандра – Д.Н. Блудов, Рейн – М.Ф. Орлов, Асмодей – П.А. Вяземский, Светлана – В.А. Жуковский, Старушка – С.С. Уваров, Громобой – С.П. Жихарев, Эолова Арфа – А.И. Тургенев, Пустынник – Д.А. Кавелин, Варвик – Н.И. Тургенев), свидетельствует о сближении жизни и литературы, о текстопорождающих и жизнестроительных стратегиях литературного быта. Вместе с тем параллельное развитие «серьезной» и комической «домашней поэзии» в творчестве Жуковского формировало новое представление о самом литературном процессе 1810-х гг., раскрывало его восполняющий диалогический потенциал, намечало пути творческих поисков в русской литературе и культуре.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что деятельность литературного общества «Арзамас» и в смеховой сфере, и в серьезных проектах, и в творческих замыслах, и в реформаторских общественно-политических деяниях, и в своем поведенческом тексте стала катализатором новой культуры. В нем было заложено будущее. Ведь не случайно молодой Пушкин – дитя «Арзамаса» и его высшее оправдание [17. С. 38 – 39].

Литература

1. Кошелев В.А. Арзамасское общество безвестных людей» и традиции «нравственного братства» // Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сборник научных статей. – Арзамас, Нижний Новгород, 2015. – С. 21.

2. Вацуру В.Э. В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас»: В 2-х кн. – М., 1994. Кн. 1. С. 6.

3. Проскурин О.А. Новый Арзамас – Новый Иерусалим (религия общества «Арзамас») // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 19. – С. 73 – 128.

4. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815 – 1818 годов. – М., 2008. – С. 13.

5. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся. – Л., 1981. – С. 13.
6. Кошелев В.А. «К Батюшкову. Послание». Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. – М., 1999. – С. 577.
7. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 78. – Л. 2.
8. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. – М., 1999. – С. 189, 190, 343.
9. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974. – С. 35.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. – М., 2000. – С. 17.
11. Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт // Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и теории литературы. – М., 2014. – С. 11 – 32.
12. Лебедева О.Б. В.Э. Вацуро и «Арзамас»: опыт интерпретации и перспективы исследовательской концепции // Жуковский: Исследования и материалы. – Томск, 2017. – Вып. 3. – С. 271.
13. Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. – Л., 1974. – С. 72.
14. Краснокутский В.С. О своеобразии арзамасского наречия // Замысел, труд, воплощение... – М., 1977. – С. 20 – 42.
15. Ветшева Н.Ж. Арзамасские протоколы. Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. – М., 2000. – С. 473.
16. Поплавская И.А. Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. – 1999. – № 268. – С. 36.
17. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века: Учебное пособие. – М., 2015. – С. 38 – 39.